

АНГЛИЯ И ФРАНЦИЯ

БОЛЬШОЙ ДОМ

Большой дом Фрамлингов почему-то всегда манил меня. Пожалуй, началось это еще в ту пору, когда мне исполнилось два года и Фабиан Фрамлинг похитил меня и держал у себя взаперти целых две недели. Я обнаружила, что дом полон теней и тайн, когда отправилась туда на поиски веера из павлиньих перьев. В длинных коридорах, на балконах, в крытых переходах и молчаливых комнатах — казалось, из каждого угла недобрым взором провожает незваного гостя прошлое, готовое исподтишка вторгнуться в настоящее и вычеркнуть его — хотя и не до конца — из реальности.

Сколько я себя помню, леди Гарриет Фрамлинг оставалась безраздельной владычицей нашей деревни. Работники ферм уважительно отступали к обочине и поспешно сдвигали шляпу с головы, когда мимо проносился экипаж, дверцы которого украшали величавые гербы Фрамлингов, а женщины приседали в почтительном реверансе. О ней говорили исключительно приглушенным шепотом, словно опасаясь произносить ее имя всуе; в моем детском восприятии она была ровней королеве и второй после Бога. Потому не стоит удивляться, что, когда ее сын Фабиан повелел мне стать его рабыней, я — будучи в то время шестилетней девочкой — даже не подумала возмутиться. Мне казалось вполне естественным, что мы, простые люди, должны угождать Большому Дому любыми способами.

Большим Домом — известным в округе как «Дом», словно те жилища, в которых обитали мы, являлись чем-то другим —

был Фрамлинг. Не Фрамлинг-Холл или Фрамлинг-Манор, а просто Фра́млинг, с ударением на первом слоге, отчего имя собственное звучало куда внушительнее. Фрамлинги владели им на протяжении нескольких веков. Леди Гарриет, выйдя замуж за очередного представителя семейства, сделала ему большое одолжение, фактически снизойдя до него, поскольку была дочерью графа, а это, как говорил мне отец, означало, что она была леди Гарриет, а не просто леди Фрамлинг. Об этом не стоит забывать никогда, пусть даже она и заключила неравный брак, став супругой простого баронета. Правда, он уже скончался, бедняга. Но я слыхала, что она не давала ему забыть о своем более высоком общественном положении; и, хотя в нашей деревне появилась, только став новобрачной, с тех самых пор она полагала своим долгом править нами.

Брак долгие годы оставался бездетным — к немалой досаде леди Гарриет. Думаю, что она постоянно пеняла Вседержителю на подобный недосмотр с его стороны; но даже небо не могло игнорировать леди Гарриет бесконечно, и, когда ей исполнилось сорок, спустя пятнадцать лет после свадьбы, она произвела на свет Фабиана.

Радость ее не знала границ. Она души не чаяла в своем ребенке. Логика ее была проста — *ее* сын мог быть только идеалом. Малейшая его прихоть подлежала немедленному удовлетворению, и слуги Фрамлингов признавали, что леди Гарриет лишь снисходительно улыбалась, когда ей становилось известно об очередной выходке ее *инфанта*.

Через четыре года после рождения Фабиана родилась Лавиния. Будучи девочкой, она по всем статьям уступала Фабиану, зато оставалась дочерью леди Гарриет и в этом качестве превосходила всех в общине.

Меня всегда забавляло, как они входили в церковь и шли по проходу, — первой выступала леди Гарриет, за нею шел Фабиан, и замыкала процессию Лавиния. С благоговейным страхом и почтением присутствующие наблюдали за тем, как

они занимали свои места и преклоняли колена на черно-красных молитвенных подушечках с вышитой на них буквой «Ф»; те, кто оказывался у них за спиной, становились свидетелями незабываемого зрелища, когда леди Гарриет склоняла голову перед высшей силой, — и это впечатление с лихвой искупало все недостатки молебствия, коих имелось предостаточно.

Стоя на коленях, я в немом изумлении наблюдала за происходящим, позабыв о том, что нахожусь в церкви, пока Полли Грин не пихала меня локтем в бок, возвращая к действительности.

Фрамлинг — Дом — возвышался над деревней и подавлял ее. Он был построен на склоне небольшого холма, отчего казалось, будто он постоянно пребывает настороже, высматривая грехи, которые мы могли совершить. Хотя первый дом появился там еще во времена Вильгельма Завоевателя, за прошедшие века он был изрядно перестроен, так что в его облике не осталось практически ничего от здания эпохи, предшествовавшей Тюдорам. Проходя под надвратной башней, вы попадали во внутренний двор, где прямо из стен торчали растения, а в бочонках, перехваченных железными полосами, в художественном беспорядке росли декоративные кустарники. Во дворе имелись потайные уголки, куда выходили окна со свинцовыми переплетами — темные и загадочные. И я почему-то неизменно представляла, как кто-то смотрит вниз из этих окон, а потом докладывает об увиденном леди Гарриет.

Массивная, утыканная многочисленными железными заклепками дверь вела в залу для пиршеств, где на стенах висели портреты давно умерших Фрамлингов — с властными или кроткими лицами. Ввысь устремлялся сводчатый потолок; длинный выскобленный стол отчетливо пах пчелиным воском и скипидаром; над огромным камином простирало свои ветви фамильное древо; в одном конце залы

виднелась лестница, ведущая в часовню, а в другом — дверь, за которой начиналась половина для слуг.

В детстве мне казалось, будто все мы в деревне, подобно планетам, вращаемся вокруг ослепительного в своем блеске солнца, коим являлся Фрамлинг.

Наш собственный домик, разросшийся за счет пристроек и продуваемый насквозь, стоял совсем рядом с церковью. Я часто слышала, что протопить его стоит целого состояния. По сравнению с тратами на отопление Фрамлинга эта сумма, разумеется, представлялась смехотворной, но, хотя в гостиной пылал огонь, да и на кухне было довольно тепло, подняться зимой наверх было то же самое, что отправиться в путешествие к Северному полюсу, — так, во всяком случае, я тогда думала. Но мой отец не обращал внимания на такие мелочи. Собственно, насущные вопросы вообще мало его волновали. Его сердце принадлежало Древней Греции, и об Александре Македонском или Гомере он знал куда больше, чем о своих прихожанах.

Своей матери я не помнила, поскольку она умерла, когда мне было всего два месяца. Ее заменила мне Полли Грин; но это случилось уже после того, как мне сравнялось два года и я впервые познакомилась с манерами и образом жизни Фрамлингов. В те времена Полли было около двадцати восьми. Она была вдовой, всегда мечтавшей о ребенке, и, став для меня второй матерью, получила в моем лице дочь, которой у нее никогда не было. В общем, все устроилось как нельзя лучше. Я любила Полли, и у меня никогда не возникало даже тени сомнения в том, что и Полли любит меня. Именно в ее любящие объятия я приходила, когда мне бывало плохо. Когда горячий рисовый пудинг падал мне на колени, когда я в кровь сбивала локти, когда просыпалась среди ночи оттого, что мне снились гномы или злобные великаны, — именно к Полли я обращалась за утешением. Словом, я не могла представить себе жизни без Полли Грин.

К нам она приехала из Лондона, и, по ее мнению, не было на свете места лучше и краше. «Я похоронила себя в деревне, и все ради вас», — обыкновенно говорила она. Когда же я возражала, что быть похороненным — значит оказаться под слоем земли на кладбище, она соглашалась со мной: «Что ж, и это верно». К деревне она испытывала презрение. «Столько полей, а делать на них нечего. Дайте мне Лондон». И она начинала рассказывать об улицах, на которых «вечно что-нибудь происходит», о рынках, освещенных пламенем керосиновых фонарей, лотках, доверху заваленных овощами и фруктами, старой одеждой и «всем, чего только душа пожелает», и торговцах, на все лады расхваливающих свой товар. «Когда-нибудь я возьму тебя с собой, и ты все увидишь собственными глазами».

Полли была единственной среди нас, кто относился к леди Гарриет без особого пиетета.

«Да кто она такая без своего дома? — возмущенно вопрошала она. — Ничем не отличается от нас, простых смертных. Все, что у нее имеется, — какая-то приставка перед именем».

Полли была бесстрашной. Никаких покорных реверансов от нее ждать не приходилось. Она не желала укрываться за живой изгородью, когда мимо проезжал приснопамятный экипаж. Она крепко брала меня за руку и решительно шагала дальше, выставив вперед подбородок и не глядя по сторонам.

У Полли имелась сестра, жившая в Лондоне вместе с мужем. «Бедняжка Эфф, — говорила Полли. — Он у нее — так, пустое место». Я никогда не слыхала, чтобы Полли называла его иначе, чем «он». Похоже, имени собственного он был недостоин. «В тот день, когда она обручилась с ним, я сказала ей: „С ним ты хлебнешь горя полной ложкой, Эфф“. Но разве она хоть когда-нибудь меня слушала?»

И я горестно качала головой, потому что уже слышала эту историю ранее и ответ был мне известен.

Итак, в моем детстве Полли была центром вселенной. Городские замашки выделяли ее среди нас, сельских жителей. У Полли была манера складывать руки на груди и пронзать воинственным взором того, кто собирался возразить ей. Таким образом, она превращалась в серьезного оппонента. Она говорила, что «ничего ни у кого не возьмет», а когда я, посвященная в таинства английской грамматики своей гувернанткой, мисс Йорк, заметила, что двойное отрицание дает положительный смысл, она просто ответила: «Ты что, смеешься надо мною?»

Я любила Полли всей душой. Она была моим союзником, причем безоговорочным; вдвоем мы с нею противостояли леди Гарриет и остальному миру.

Мы занимали комнаты на верхнем этаже дома приходского священника. Моя спальня соседствовала с ее; так повелось с самого первого дня ее появления здесь, и мы не собирались менять сложившегося порядка вещей. Впрочем, на мансардном этаже имелась еще одна комната. В ней Полли разводила небольшой уютный огонь, и зимой мы жарили там гренки и каштаны. Я смотрела на языки пламени, а Полли рассказывала мне о Лондоне. Перед моими глазами вставали рыночные лотки, Эфф и «он», а также маленький домик, в котором Полли жила со своим мужем-моряком. Я видела, как Полли ждет, когда его отпустят на побывку и он придет домой в своих брюках-клевш, маленькой белой шапочке с надписью «К. Е. В. Победоносный» и с аксельбантом на плече. Голос ее подрагивал и срывался, когда она рассказывала о том, как он пошел на дно вместе со своим кораблем.

«Ничего не осталось, — говорила она. — Даже малыша, который напоминал бы мне о нем». Я возражала, что рада этому, будь у нее малыш, она не захотела бы возиться со мной.

Тогда в глазах ее появлялись слезы, и она говорила хриплым голосом: «Эй. Ну-ка, посмотри на меня. Ты пытаешься разжалобить мое старое сердце?»

Но при этом все равно обнимала меня.

Из своих окон мы смотрели на церковный двор, покосившиеся старые надгробия, под многими из которых лежали те, кто умер уже давным-давно. Я читала надписи на них и спрашивала себя, какими были люди, похороненные здесь. Некоторые посвящения почти стерлись от старости.

Комнаты наши были большими и просторными, с окнами, выходящими на обе стороны. Напротив церковного кладбища находился пустырь с прудиком и скамьями, где любили собираться старики, чтобы поговорить или просто посидеть в молчании, глядя на воду, перед тем как шаркающей походкой удалиться в гостиницу и пропустить там пинту эля.

— Смерть с одной стороны, — говорила я Полли, — и жизнь — с другой.

— Какая же ты, право, смешная со своими мыслями, — отвечала мне Полли, поскольку именно таков был ее ответ на любое мудреное мое замечание.

Семья наша состояла из моего отца, меня, моей гувернантки мисс Йорк, Полли, миссис Дженсен, поварахи и экономки, и Дейзи и Холли, двух сестер-непосед, занимавшихся работой по дому. Впоследствии я узнала, что гувернантка у нас появилась потому, что мама принесла в семью немного денег, которые были отложены на мое образование, причем лучшее из возможных, какие бы трудности ни пришлось терпеть для того, чтобы получить его.

Я любила своего отца, но он играл в моей жизни далеко не главную роль, в отличие от Полли. Когда я видела, как он через кладбище возвращается из церкви домой, в своем белом стихаре, с молитвенником в руке, и его густые седые волосы треплет ветер, меня охватывало безудержное желание защитить его. Он казался таким уязвимым, неспособным позаботиться о себе, и потому мне было странно думать о нем как о попечителе своей духовной паствы — особенно если учесть, что к ней принадлежала и леди Гарриет.

Приходилось напоминать ему о необходимости вкушать не только духовную, но и телесную пищу, подсказывать, когда надо переодеваться в чистое... Его очки вечно терялись, а потом находились в самых неожиданных местах. Ему случалось войти в комнату за чем-нибудь и тут же забыть, за чем именно. Зато он блистал красноречием на амвоне, хотя я уверена, что прихожане, по крайней мере деревенские жители, не понимали его отсылки к классицизму и древним грекам.

«Он бы уже давно забыл свою голову, если бы она не сидела крепко у него на плечах», — так обычно отзывалась о нем Полли в ласково-презрительном тоне, который был мне хорошо знаком. Но она была привязана к нему и готова была защищать его со всем пылом своего сочного и выразительного языка — иногда весьма отличного от нашего — в случае нужды.

Мне исполнилось два года, когда со мной приключилась история, о которой я почти ничего не помню. Я восстановила ее позже, по рассказам других, но именно она заставила меня ощутить некую связь с Большим Домом. Будь Полли со мной в то время, этого бы никогда не случилось; полагаю, что как раз после этого случая мой отец окончательно осознал, что мне нужна нянька, которой можно доверять.

То, что произошло тогда, явно свидетельствует о характере Фабиана Фрамлинга и о том, что его мать была буквально одержима им.

Пожалуй, в то время Фабиану исполнилось уже лет семь. Лавиния была на четыре года младше брата, а я родилась через год после ее появления на свет. Подробности случившегося стали мне известны от наших слуг, которые дружили с прислугой Фрамлингов.

Большую часть истории поведала мне миссис Дженсен, повариха и экономка, служившая у нас верой и правдой,

установившая в доме строгую дисциплину и поддерживавшая в нем определенный порядок.

— Ничего более странного я в жизни не слышала, — рассказывала она. — Это все молодой мастер Фрамлинг. Там, в Доме, он их всех заставляет плясать под свою дудку... всегда так было. Леди Гарриет думает, что в его глазах светит солнце, луна и сияют звезды. Она никому не даст его в обиду. Маленький Цезарь, вот кто он такой. Одному богу известно, что с ним будет, когда он станет хоть немного старше. В общем, его маленькому величеству надоело играть в старые игры. Он желает чего-нибудь новенького и решает, что будет отцом. А уж если он чего-нибудь хочет... Мне говорили, что все, чего он хочет, становится его собственностью. А это не сулит хорошего никому, помяните мое слово, мисс Друзилла.

Я сделала заинтересованное лицо, потому что мне очень хотелось услышать продолжение.

— Вас отвели в сад при доме приходского священника. Там можно было бродить без опаски, и вам очень нравилось учиться ходить. Им не следовало оставлять вас одну. Это все Мэй Хиггс, взбалмошная штучка. Хотя при этом любила детей... В то время она напропалую кокетничала с Джимом Феллингсом. И он не устоял. В общем, она крутила с ним шашни и не заметила, что творилось у них под самым носом. А мастер Фабиан решил, что будет отцом, а у отца должен быть ребенок. Он увидел вас и счел, что вы ему подходите. Поэтому он взял вас и отвел в Дом. Вы были его дочкой, а он должен был стать вашим отцом.

Миссис Дженсен уперла руки в бока и посмотрела на меня. Я засмеялась. История эта показалась очень смешной и понравилась мне.

— Продолжайте, миссис Дженсен. Что же случилось потом?

— Бог ты мой, знали бы вы, какой переполох поднялся, когда обнаружилась пропажа. Никто не мог понять, куда вы

подевались. А потом леди Гарриет послала за вашим отцом. А он, бедняга, пребывал в неопишемом расстройстве. Он взял с собой Мэй Хиггс. Та была в слезах, во всем винила себя, и поделом. Если хотите знать, то именно тогда между нею и Джимом Феллингсом пробежала кошка. В случившемся она обвинила его. А в следующем году, чтоб вы знали, она вышла замуж за Чарли Клея.

— Расскажите мне о том, что было, когда мой отец пошел в Дом, чтобы забрать меня.

— Это то же самое, что пытаться словами описать бурю! А там разразилась не просто буря, а настоящий ураган. Мастер Фабиан рвал и метал. Он ни в какую не желал отдавать вас. Вы были его дочкой. Он нашел вас. И собирался стать вашим отцом. Мы были ошеломлены и растеряны, когда пастор вернулся обратно один, без вас. Помню, что спросила у него: «А где же девочка?» И он ответил: «Она останется в Большом Доме еще на денек-другой». А я смогла только пробормотать: «Но ведь она совсем еще крошка». — «Леди Гарриет заверила меня, что за нею будут хорошо присматривать. О ней позаботится нянька мисс Лавинии. Ей не причинят вреда. Фабиан буквально впал в бешенство, когда подумал, что лишится ее, и леди Гарриет решила, что он может убить ее». — «Помяните мое слово, — сказала я, — этот мальчишка — пусть он хоть трижды сын леди Гарриет — плохо кончит». И мне было все равно, передадут мои слова леди Гарриет или нет. Я должна была высказать все, что думаю.

— В итоге я прожила в Большом Доме целых две недели.

— В самую точку. Говорят, было смешно наблюдать, как мастер Фабиан присматривал за вами. Он катал вас по саду в коляске, принадлежавшей мисс Лавинии. Сам кормил и одевал вас. Мне говорили, что со стороны это выглядело даже мило. Он ведь всегда предпочитал грубые забавы... а тут играл роль заботливой мамочки. Если бы не Нэнси Каффли, он бы наверняка закармлил вас до смерти. В кои-то

веки она проявила характер, настояла на своем, а он отступил. Должно быть, он по-настоящему привязался к вам. Одному богу известно, сколько бы еще это продолжалось, если бы погостить к ним не приехала леди Милбэнк со своим сыном Ральфом, который был на год старше мастера Фабиана. Тот посмеялся над ним и заявил, что это — все равно что играть в куклы. И не имеет значения, что кукла была живой. Все равно, это — девчоночья игра. Нэнси Каффли говорила, что мастер Фабиан ужасно расстроился. Он не хотел, чтобы вы уезжали... но я думаю, он решил, что запятнает свое мужское достоинство, если станет и дальше присматривать за вами.

Я очень любила эту историю и много раз просила повторять ее снова.

Почти сразу же после этого случая у нас появилась Полли.

Стоило мне завидеть Фабиана — обычно издалека, — как я принималась украдкой наблюдать за ним, представляя, как он нежно заботится обо мне. Это было так забавно, что я начинала смеяться.

А еще я воображала, что и он смотрит на меня как-то по-особенному, хотя он всегда притворялся, будто не замечает меня.

Из-за нашего положения в деревне — приходской священник по своему статусу считался ровней доктору и стряпчему, хотя, разумеется, целая пропасть отделяла нас от высот, на которых обитали Фрамлинги, — когда я чуточку повзрослела, меня стали иногда приглашать на чай к мисс Лавинии.

Хотя такие мероприятия и не доставляли мне особой радости, я всегда с удовольствием бывала в Доме. Прежде я почти ничего не знала о нем. До той поры я видела лишь холл, потому что пару раз, когда в самом разгаре гулянья в саду начинался дождь, нам дозволено было укрыться от него в Доме. Я навсегда запомню волнение, охватившее меня, когда я покинула холл и стала подниматься по лестнице, мимо статуи в рыцарских доспехах, которая, как я решила,

после наступления темноты выглядит жутковато. Я не сомневалась, что она — живая и смеется над нами за нашими спинами.

Лавиния была высокомерной и очень красивой. Она напоминала мне тигрицу. У нее были каштановые волосы с рыжеватым отливом и золотистые искорки в зеленых глазах; верхняя губка у нее была коротковатой и приподнималась, обнажая прелестные белые зубы; носик у нее был маленьким и курносым, что придавало ее личику некую пикантность. Но главным ее достоинством были роскошные вьющиеся волосы. Да, она была очень привлекательной.

Тот первый раз, когда я пришла к ней на чай, навсегда останется у меня в памяти. Меня сопровождала мисс Йорк. Встречала нас мисс Этертон, гувернантка Лавинии, и обе мисс моментально прониклись друг к другу симпатией.

Чай мы должны были пить в классной комнате, которая оказалась большой, со стенами, обшитыми деревянными панелями, и окнами с расстекловкой. Здесь же стояли большие шкафы со стеклянными дверцами, в которых, как я решила, хранились грифельные доски для письма, карандаши и, наверное, книги. Имелся в наличии и длинный стол, за которым поколения Фрамлингов наверняка делали уроки.

Мы с Лавинией принялись рассматривать друг друга с некоторым оттенком враждебности. Но еще перед выходом Полли успела дать мне нужные наставления: «Не забывай, ты ничем не хуже ее. Даже лучше, на мой взгляд».

Слова Полли по-прежнему звучали у меня в ушах, и я уставилась на Лавинию как на соперницу, а не как на будущую подругу.

— Сначала мы выпьем чаю в классной комнате, — провозгласила мисс Этертон, — а потом вы познакомитесь поближе. — И она заговорщически улыбнулась мисс Йорк. Было совершенно очевидно, что этим двоим требуется большое вдохновение от своих обязанностей.

Лавиния подвела меня к диванчику у окна, и мы сели.

— Ты живешь в том старом и ужасном доме священника, — начала она. — Фу.

— Он очень милый, — возразила я.

— Зато совсем не похож на этот.

— Он и не должен быть похож, чтобы оставаться милым.

Лавиния была явно обескуражена тем, что я осмелилась противоречить ей, и я поняла, что наши отношения не будут такими легкими и безоблачными, как у мисс Йорк и мисс Этертон.

— В какие игры ты играешь? — поинтересовалась она.

— Мм... в «угадайку», с Полли, моей няней, и мисс Йорк мы иногда воображаем, будто отправляемся в путешествие по всему миру и говорим обо всех местах, в которых должны побывать.

— Какая скучная игра!

— Нисколько.

— Нет, *скучная*, — заявила она с таким видом, словно намеревалась оставить за собой последнее слово в нашем споре.

Подали чай. Принесла его горничная в накрахмаленной шапочке и переднике. Лавиния бегом бросилась к столу.

— Не забудьте о своей гостье, — сказала ей мисс Этертон. — Дружилла, садитесь сюда.

На столе оказались хлеб, масло, клубничный джем и маленькие кексы с разноцветной сахарной глазурью.

Мисс Йорк внимательно наблюдала за мной. Сначала — хлеб и масло. Было бы невежливо взяться сперва за кексы. А вот Лавиния и не думала соблюдать правила и сразу же схватила один из кексов. Мисс Этертон метнула извиняющийся взгляд на мисс Йорк, которая сделала вид, будто ничего не заметила. Когда я съела бутерброд, мне предложили кекс. Я выбрала тот, на котором была голубая глазурь.

— Это последний из голубых, — заявила Лавиния. — Я хотела съесть его сама.

— Лавиния! — одернула ее мисс Этертон.

Но та пропустила это мимо ушей. Она смотрела на меня, явно ожидая, что я отдам ей кекс. Но, вспомнив слова Полли, я не стала этого делать. Немного помедлив, я взяла его с тарелки и впилась в него зубами.

Мисс Этертон приподняла плечи и посмотрела на мисс Йорк.

Да, чаепитие вышло не слишком приятным.

Полагаю, обе они, и мисс Йорк, и мисс Этертон, испытали большое облегчение, когда с чаем было покончено и нас отправили играть, а они остались вдвоем.

Я шла следом за Лавинией, которая заявила, что мы будем играть в прятки. Вынув из кармана монетку в одно пенни, она сказала:

— Бросим жребий. — Я не догадывалась, что она имеет в виду. — Выбери, орел или решка, — предложила она. Я выбрала орла.

Она щелчком подбросила монетку, и та упала ей на раскрытую ладошку. Она сжала ее в кулак, так что я не могла ее увидеть, и сказала:

— Я выиграла. Это значит, что я выбираю первой. Ты прячься, а я буду искать. Беги. Я досчитаю до десяти...

— Куда... — начала было я.

— Куда хочешь.

— Но этот дом так велик... я даже не знаю.

— Разумеется, он большой. Не то что твой дурацкий дом священника. — Она толкнула меня. — Пошевеливайся, а то я начинаю считать.

Разумеется, она была мисс Лавинией из Большого Дома. Она была на год старше меня. Она казалась всезнайкой, искушенной и опытной, а я была всего лишь гостьей. Мисс Йорк рассказывала мне, что гости часто чувствуют себя

неловко и делают то, от чего предпочли бы отказаться. Это входит в обязанности гостя.

Я вышла из комнаты, оставив Лавинию вести зловещий счет. Три, четыре, пять... Звук ее голоса казался мне звоном погребального колокола.

Я спешила удрать подальше. Но Дом, казалось, смеялся надо мной. Как я могла спрятаться в здании, география которого мне совершенно неизвестна?

Несколько мгновений, ничего не видя перед собой, я просто бежала вперед. Потом мне на глаза попала дверь, и я отворила ее. За нею оказалась небольшая комнатка. Здесь стояли несколько кресел, спинки которых были украшены сине-желтой вышивкой. Но мое внимание привлек потолок: на нем были нарисованы облака, на которых восседали маленькие толстенькие амуры. Кроме того, здесь имелась еще одна дверь. Войдя в нее, я оказалась в коридоре.

Спрятаться здесь было просто негде. «Ну, и что мне теперь делать? — спросила я себя. — Может, стоит вернуться обратно в классную комнату, отыскать мисс Йорк и сказать ей, что я хочу домой?» Мне вдруг захотелось, чтобы со мной была Полли. Она бы никогда не оставила меня одну на милость мисс Лавинии.

Надо попробовать вернуться по своим же следам. Развернувшись, я отправилась в обратную, как мне показалось, сторону. Вот и дверь, за которой меня должны были ждать толстенькие купидоны на потолке, но их не было. Я оказалась в длинной галерее, увешанной картинами. В одном ее конце виднелось возвышение с клавирами и позолоченными стульями.

Я со страхом уставилась на портреты. Они были очень похожи на живых людей, которые взирали на меня с явным неодобрением за то, что я вторглась в их владения.

Я чувствовала себя так, словно дом зло подшутил надо мной, и мне отчаянно захотелось увидеть Полли. Я уже готова

была удариться в панику. У меня вдруг появилось гадкое чувство, будто я угодила в ловушку и уже никогда не выберусь из нее. И теперь мне предстоит всю жизнь бродить по коридорам и комнатам этого дома в тщетной попытке выйти отсюда.

В конце галереи виднелась дверь. Я отворила ее и оказалась в очередном длинном коридоре. Впереди меня ждала лестница. Итак, мне предстояло сделать выбор — подняться по ней или вернуться в галерею. Я стала подниматься по ступенькам; глазам моим предстал очередной коридор и... новая дверь.

Я бесстрашно отворила и ее и оказалась в маленькой темной комнатке. Несмотря на охвативший меня страх, она очаровала меня. Было в ней нечто чужеземное. Портьеры были сшиты из тяжелой парчи, и тут стоял странный и незнакомый мне запах. Впоследствии я узнала, что так пахнет сандаловое дерево. Резные деревянные столы украшал орнамент из желтой меди. Комната выглядела прелестной, и на мгновение я даже забыла о своих страхах. Над камином, на мраморной полке лежал веер. Он был очень красив, ярко-синий с большими черными пятнами. Я знала, что это такое, потому что уже видела картинки с павлинами. Это был веер из перьев павлина. Мне вдруг захотелось потрогать его. Если встать на цыпочки, то я сумею дотянуться до него. Перья оказались очень мягкими на ощупь.

Потом я еще раз огляделась по сторонам. И увидела дверь. Я подошла к ней. А вдруг за дверью — кто-нибудь, кто покажет мне дорогу к классной комнате и мисс Йорк?

Приоткрыв дверь, я осторожно заглянула внутрь.

Чей-то голос спросил:

— Кто здесь?

Я перешагнула порог и сказала:

— Меня зовут Друзилла Делани. Я пришла на чай и заблудилась.